

— Третий брат? Третий брат?

Лян Сеюнь в платье цвета гусяного пуха вприпрыжку вбежала в кабинет. Лян Сесяо, пребывавший в задумчивости, встрепенулся и поспешно спрятал ладонью нефритовую подвеску Орхидея.

— Опять читаешь доклады?

Лян Сесяо притворился невозмутимым и закрыл лежавший перед ним документ:

— Я же много раз тебе говорил: не бегай где попало. Или ты забыла прошлый урок?

— Подумаешь! — Лян Сеюнь пренебрежительно пожала плечами. — Разве меня не чуть не поймали? В итоге-то я всё равно сбежала.

Трое братьев и сестер из рода Юнь, какими бы умными ни были, всё равно не могли сравниться с этой проказницей. Как говорится, и трое мудрецов не заменят одного Чжугэ Ляна.

— Ваш покорный слуга приветствует малую принцессу.

Чиновник поклонился, положил стопку документов на стол перед Лян Сесяо и забрал те, что были уже рассмотрены.

Лян Сеюнь нахмурилась, совершенно не понимая происходящего:

— Старший брат отстранился от дел, второй брат только и знает, что пропадать на пирах да среди красавиц, а государственные дела всё сваливаются на тебя. Не понимаю я вас. Ну и ладно, пойду лучше поищу сестрицу Фаньинь.

Раздался низкий, бархатный голос:

— Учитель сейчас дает ей урок живописи.

Лян Сеюнь тут же поникла и разочарованно протянула:

— О-о...

Вдруг её глаза блеснули, а на губах заиграла едва заметная улыбка — совсем как у лисички, которая подсмотрела чей-то секрет. Она скрестила руки на груди и хихикнула:

— Третий брат, с тех пор как ты вернулся с горы Тяньму, ты ведешь себя очень странно.

— Например? — Лян Сесяо едва заметно улыбнулся.

— Например, сейчас ты улыбаешься гораздо чаще, чем раньше.

— Это ты просто редко меня видела.

— Тогда откуда ты знаешь, что сестрица Фаньинь сейчас рисует? И к тому же... — принцесса коснулась подбородка, явно чувствуя, что держит ситуацию в руках, — почему ты тоже называешь господина Цуя учителем вслед за сестрицей Фаньинь?

Она уже несколько раз пыталась их расспросить, но оба хранили молчание. Ну вот, теперь-то она поймала их на промашке!

Лян Сесяо приподнял веки, окинул её взглядом и ответил вопросом на вопрос:

— Как успехи в заучивании Наставлений для женщин?

Напускная уверенность тут же исчезла с лица принцессы, сменившись невнятным бормотанием:

— Ну... как-то так...

Несколько дней назад, чтобы утихомирить строптивый нрав дочери, Лян Дицзюнь издал указ, подобный грому среди ясного неба: выучить Наставления для женщин за месяц, а потом пройти проверку.

— Отец как раз свободен, я должен буду упомянуть при встрече о нападении на горе Тяньму, чтобы усилить охрану в твоей резиденции.

— Нет-нет-нет... — принцесса принялась молить о пощаде и поклялась небесами: — Я больше не буду спрашивать!

Лян Сесяо беспомощно покачал головой:

— Еще не ушла? Отец сейчас как раз должен быть на пути к твоей резиденции.

— Что ж ты раньше не сказал!

Принцесса, словно перепуганная птица, сорвалась с места и помчалась быстрее пущенной стрелы. Как только она исчезла, в кабинете вновь воцарилась тишина. Лян Сесяо откинулся на спинку кресла, опустил взгляд, и его взор снова упал на нефритовую подвеску Орхидея на поясе.

Словно чья-то рука коснулась времени, возвращая его в то утро на горе Тяньму. Он своими пальцами поправлял ей растрепавшиеся волосы, вкалывая в черные пряди заколку из белого

нефрита, а оранжевые лучи света окутывали её, делая похожей на спустившуюся с небес небожительницу.

Цзи Фаньинь машинально коснулась нефритовой заколки и осторожно спросила:

— Ты всё это время носил её с собой?

Он промолчал. На нежных губах Цзи Фаньинь расцвела улыбка. В конце концов, он нес её на спине вниз с горы. Девушка вдруг подалась вперед, и воздух наполнился тонким, изысканным ароматом. В груди что-то сжалось, когда она почувствовала некий предмет.

Затем раздался тихий, подобный звону колокольчика в пустой долине голос:

— После того как мы расстались в храме Бодхи, она каждый день лежала в шкатулке. Сегодня я наконец смогла её тебе вернуть.

Утренний туман был легким, воздух пах сухими ветвями и влагой — в холоде чувствовалось тепло. Лян Сесяо облизнул пересохшие губы и тихо спросил:

— Что тебе... приснилось?

— Ничего не снилось, спала крепко, — Цзи Фаньинь машинально отнекивалась.

Она сама не знала почему, но совсем не хотела, чтобы он знал о её сне. С самой первой встречи в храме Бодхи в её груди поселилось странное навязчивое желание — быть ближе к нему, ближе! Но человек из её сна, она чувствовала, мог завести их отношения в тупик, из которого нет возврата.

Лян Сесяо нахмурился, его длинные пальцы потянулись к краю стола. Через мгновение он развернул сложенное белое письмо, внутри которого лежал тонкий веточный побег сливы. Почерк был изящным, а капли туши казались живыми: Чжунбай, гнев вредит сердцу. Не заставляй меня волноваться, хорошо?

Эти слова проникли в самую глубину души, всколыхнув спокойное озеро его сердца. Во сне он тоже был там. У фонтана высотой в полчеловека Вэй Шань стоял слева, а он — справа. Однако в её глазах был только Вэй Шань. На бумаге улыбка красавицы была подобна первому бутону магнолии весной.

Он не смог сдержаться и, взяв кисть, принялся писать ответ.

У глубокого холодного омута сухие ветви сосны с шорохом терлись о стену. Мужчина в белом стоял против ветра, одинокий, как сосна на горной вершине, сжимая в правой руке сандаловый

веер.

С той ночи два года назад, когда лил проливной дождь, эти обрывочные видения накатывали словно осколки, не имея ни начала, ни конца. Стоило ему попытаться разобраться, как голову пронзала невыносимая боль. Вэй Шань схватился за виски, тяжело дыша, словно кто-то сдавил ему горло. Веер выпал из ослабевших пальцев. Он, пошатываясь, добрался до каменного стола и залпом осушил чашу вина. Лишь спустя долгое время острая боль начала утихать, и он невольно прошептал:

— Линьфу.

В полдень у городских ворот раздавали кашу, и толпа толкалась в длинной очереди. Старик в серой одежде с седыми волосами, пошатываясь, упал на землю. Вэй Шань, проходивший мимо, быстро поднял его:

— Бабушка, вы в порядке?

Он поманил слугу, и тот принес горячую кашу и лепешки. Старушка приняла их и, не успев поблагодарить, поспешила прочь.

— Государственный наставник, это... — Вэй Шань жестом прервал слова цензора Ван Тао и последовал за ними.

В убогом бамбуковом шалаше старушка поддерживала седого, медлительного деда и, зачерпнув каши, протянула ему:

— Старик, на, открой рот.

— Их сын погиб на шахтах, ради выживания они побирались всю дорогу до Юнду, поистине жалкое зрелище... — раздался за спиной вздох Ван Тао.

Вэй Шань смотрел, как старик отпил пол-ложки и поднес остальное к губам жены:

— Старуха, ты тоже поешь.

— Ем, ем.

— Не забудь съесть лепешку, не голодай...

Старушка ответила громче:

— Хорошо, хорошо.

Но как только он отвернулся, она тайком спрятала её. Вэй Шань слегка улыбнулся и ушел.

Пройдя всего несколько шагов, он столкнулся с десятилетним мальчишкой.

— Дерзкий! Чей это дикий ребенок, как ты смеешь... — Вэй Шань бросил косой взгляд на Ван Тао, и тот благоразумно замолчал.

— Отпусти меня! — мальчишка нахмурился и отчаянно сопротивлялся.

— Малец, наконец-то я тебя поймал! Думал, убежишь? — задыхающийся мужчина в коричневой шапке ругался, указывая на него пальцем.

Мальчик сжался, прикрывая куриную ножку у себя на груди, и оскалился.

— Ого, сколько раз ты воровал у меня мясо, и еще смеешь так дерзить? Неужели я с тобой не справлюсь? — мужчина принялся закатывать рукава.

Вэй Шань заслонил ребенка собой и невозмутимо сказал:

— Сколько он тебе должен? Я верну.

Мужчина в коричневой шапке только теперь заметил, кто перед ним, и его пыл мгновенно угас:

— Гос...

— Этого хватит? — он бросил мужчине зеленый мешочек с деньгами.

Мужчина развязал его, и глаза его загорелись — это был его годовой заработок. Вэй Шань присел на корточки, а мальчик уже успел доесть куриную ножку.

— Такой маленький, а уже ворует?

Мальчишка холодно фыркнул, словно дикий конь, которого невозможно объездить. Вэй Шань не рассердился, окинул взглядом его синяки и бросил через плечо:

— Позовите лекаря Ли.

Ван Тао открыл рот, но не посмел возразить. Лекарь Ли, обработав раны, почтительно подошел к Вэй Шаню:

— Господин наставник, раны неглубокие, через пару дней всё пройдет.

— Вы и есть государственный наставник? — мальчик радостно вскрикнул, и отдыхавшие рядом горожане обернулись.

— Государственный наставник пришел к нам!

— Спасибо вам за спасение!

— Позвольте нам поклониться вам.

Вэй Шань поднял людей, которые собрались упасть на колени:

— Я, Вэй, как государственный наставник, следуя закону о том, что народ — основа государства. Я сделал лишь малую часть того, что должен, не нужно таких церемоний. Мне неловко принимать ваши поклоны.

Кто-то из толпы воскликнул:

— Господин наставник, не говорите так! Если бы не вы, мы бы давно умерли с голоду.

— Да-да, ваш дар жизни мы никогда не забудем!

Кто-то начал, и вся толпа закричала:

— Государственный наставник! Государственный наставник!

Зрелище было грандиозным, не уступающим ежегодным военным парадам. В этот момент в сердце Вэй Шаня созрел план.

Во дворце Вэй Шаня, направлявшегося к дворцу Вэйян, окликнула служанка в зеленом:

— Великая принцесса велела передать, господин наставник, пожалуйста, идите за мной.

В конце длинного коридора женщина в фиолетовых одеждах стояла посреди строящегося дворца. Заметив его, она указала на роскошное, утопающее в богатстве здание напротив и рассмеялась:

— Я хочу, чтобы везде, куда ступит моя нога, было золото! И весь мир будет у меня в руках!

Жадность неприкрыто сквозила в её узких глазах. Вэй Шань опустил взгляд и, помолчав, достал из рукава прошение:

— Чиновники двора подали совместное прошение с просьбой к Великой принцессе убедить Ваше Величество приостановить строительство нового дворца и направить средства на восстановление домов для жителей провинций Бяньшуй и Ушань, а также оказать им поддержку!

Воздух застыл, холодный ветер пробирал до костей.

— Повтори, что сказал! — голос Гу Лихуа был спокоен, словно затишье перед бурей.

Вэй Шань, не выказывая страха, повторил, сделав акцент на словах.

— Думаешь, я не посмею тебя казнить прямо сейчас?

— Если моя никчемная жизнь принесет покой народу, то это того стоит.

— Хорошо! Очень хорошо! Я исполню твое желание! — Гу Лихуа холодно взглянула на него. — Государственный наставник пошел против воли императорской семьи и угрожает её представителям. Бросить его в темницу, через семь дней — казнить!

Цзи Фаньинь весь день была не в духе, позволяя каплям туши падать на чистую бумагу.

— Госпожа, пришло письмо от Третьего вана! — Хун Сяо вбежала в комнату, размахивая коричневым конвертом.

Цзи Фаньинь по-прежнему была подавлена, словно на сердце лежал тяжелый груз. Цуй Бай, наблюдавший за ней, погладил бороду и небрежно произнес:

— Ученица Фаньинь, ты закончила задание, которое я тебе задал?

Цзи Фаньинь слегка поклонилась, собираясь с силами:

— Вчера закончила, прошу учителя взглянуть.

Она подвела Цуй Бая к столу из сандалового дерева. На развернутом свитке лебедь тянул шею, линии были четкими и плавными. Белоснежные крылья, расправленные навстречу ветру, делали его похожим на гордого орла. В глазах Цуй Бая промелькнуло удивление, и он похвалил:

— У тебя редкий талант, скоро ты сможешь покинуть ученичество.

Цзи Фаньинь спокойно ответила:

— Учитель слишком добр, я лишь добавила пару штрихов к вашим великим работам.

— О? Ты видела мои старые работы?

Цзи Фаньинь улыбнулась, не ответив. Видела? Она перерисовала их все до единой.

— Ой, кролик! Золотой! — воскликнула Хун Сяо, прерывая её воспоминания. — Госпожа, посмотрите, какой чудесный кролик!

Цзи Фаньинь взглянула, и её зрачки сузились. Это был тот самый дикий кролик с горы Тяньму! Она взяла его из рук Хун Сяо, и знакомое прикосновение смягчило её сердце.

— Какое совпадение, я видел такого кролика в могущественном государстве Пэнлай, — раздался голос Цуй Бая, его сухая рука легла на спинку лакированного кресла.

— В могущественном? — Цзи Фаньинь была озадачена. — Учитель, почему вы так говорите?

Она всегда была отрезана от внешнего мира. Сегодня же ей стало любопытно. Цуй Бай не обратил внимания на предостерегающие взгляды Хун Сяо и задал Цзи Фаньинь неожиданный вопрос:

— На чем держится процветание страны?

Цзи Фаньинь задумалась и вдруг всё поняла:

— Вы хотите сказать...

— Монарх — бездарный правитель, Великая принцесса — невероятно расточительна, жаль того государственного наставника Вэя, который просил за народ...

Вэй? Цзи Фаньинь едва заметно прошептала:

— Вэй Шань?

Цуй Бай слегка кивнул. Лицо Цзи Фаньинь изменилось, словно она проглотила кусок металла, и ей стало трудно дышать. В затуманенном зоре она видела перепуганную Хун Сяо и многозначительную улыбку Цуй Бая. Мир потемнел, и она потеряла сознание.

— Я хочу её удочерить!

Детский голос эхом разнесся по уютной гостиной. Мужчина и женщина, сидевшие на диване, сначала замерли, а потом посмотрели на младенца с опухшими глазами в колыбели. Супруги переглянулись и с улыбкой согласились на просьбу сына.

Дети росли неразлучными, и родители были счастливы. К этой девочке, внезапно ворвавшейся в их жизнь, они испытывали не только недоумение, но и огромную благодарность. Замкнутость сына исчезла, как только она появилась.

— Брат, когда я вырасту, я стану всемирно известным ювелирным дизайнером, как мама и папа.

Встретившись с её полным надежды взглядом, мальчик вытер пот с её лба и с любовью улыбнулся:

— Да, я поддержу тебя.

Кадр сменился. Двадцатитрехлетняя Цзи Фаньинь прославилась благодаря ожерелью из лебединого пуха под названием Любимая, став самым молодым дизайнером в истории! На грандиозной сцене она держала хрустальный кубок и улыбалась.

На банкете все носили маски, лстя друг другу. Выпив бокал Лонг-Айленда, напоминавший закат, она грациозно повернулась и, подобно лотосу, вышла из душного зала.

Вдруг яркие люстры погасли, и на сцену упал луч света. В его центре стоял статный мужчина с загадочной улыбкой. Он подошел к центру зала, щелкнул пальцами, и зазвучал фламенко. Мужчина, танцуя босиком, приблизился к ней и протянул руку для танца.

Когда она опомнилась, зал взорвался аплодисментами. Кроме брата Лян Сесяо, она никогда не была так близка с мужчиной.

Мужчина игриво приподнял бровь и прошептал ей на ухо, окутывая ароматом своего тела:

— Прекрасная леди, меня зовут Вэй Шань. Не буду ли я иметь честь узнать ваше имя?

<http://bllate.org/book/25721/3075299>